

УДК 930.26 (517.3:571.54/.55)
DOI: 10.17223/2312461X/20/4

ГОРОДА И ДВОРЦЫ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ*

Николай Николаевич Крадин,
Светлана Евгеньевна Бакшеева,
Станислав Данилович Прокопец

Аннотация. В Восточном Забайкалье находятся уникальные археологические памятники Монгольской империи – Хирхириновское городище и Кондуйский дворец. Они известны еще с XVIII в. и раскапывались с середины XX в. С.В. Киселевым и другими исследователями. Результаты последних раскопок открывают новые перспективы. Можно уверенно считать, что города начали строиться здесь с первых этапов существования империи во второй четверти XIII в. и, по всей вероятности, продолжали существовать в XIV в. Хирхириновское городище традиционно интерпретируется как резиденция Есунке, сына Хасара. Вывод основан на упоминании его имени в надписи на так называемом Чингисовом камне. Письменные источники дают возможность прояснить некоторые другие подробности его биографии и позволяют рассматривать Восточное Забайкалье и соседние зоны Внутренней Монголии (Хайлар) как территории, подконтрольные братьям Чингисхана – Хасару и Темуге-отчигину.

Ключевые слова: Монгольская империя, Чингисхан, Хасар, Есунке, Хирхириновское городище, Кондуйский городок, Чингисов камень

Монгольская империя была не только крупнейшей кочевой империей в мировой истории, но и в целом одной из крупнейших в мире, второй по размерам после Британской. Помимо этого, многими исследователями Монгольская империя связывается с так называемой средневековой или монгольской глобализацией, в результате которой была сформирована сеть устойчивых информационных и культурных обменов между различными частями Старого Света. Данное обстоятельство способствовало беспрецедентному расцвету градостроительства и торговли в различных частях мировой империи – от Китая до Золотой Орды (Крадин, Скрынникова 2006; Крадин 2016).

Восточное Забайкалье относилось к периферийным территориям Монгольской империи, хотя примерно где-то здесь начался этногенез монгольского народа (Ковычев 2012). На этой территории не известны большие города подобно имперским столицам (Каракорум, Шанду, Да-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

ду). Тем не менее здесь известны разные формы поселений – города, дворцовые комплексы, отдельные усадьбы. В данной статье будут представлены обобщенные результаты раскопок последнего десятилетия в сравнении с полученными ранее данными и рассмотрен вопрос о том, кому из монгольских ханов принадлежал контроль над этими территориями.

Хирхиринское городище

Возможно, самый известных из археологических памятников Восточного Забайкалья – Хирхиринское городище, которое находится на юге Забайкальского края, в Приаргунском районе. Памятник расположен на низкой надпойменной террасе в приустьевой части р. Хирхира на левом берегу р. Урулунгуй (приток Аргуни). Фактически это открытое поселение без фортификационных сооружений, состоящее из нескольких усадеб и порядка 100 отдельных жилищ, объединенных в несколько кустов. В реальности это настоящий город монгольского времени, только без укреплений. Памятник вытянут по линии запад – восток почти на 2 км и примерно на 700 м по линии север – юг. Площадь памятника составляет около 118 га. В западной части усадьбы и окружающие их жилища расположены кустами, поодаль друг от друга, в восточной – объединены в сложную систему кварталов, улиц и проулков (рис. 1). К северу от Хирхиринского городища на ближайшей возвышенности находится могильник Окошки монгольского времени (Киселев 1961; Харинский и др. 2014).

В юго-восточной части городища в 350 м от берега Хирхиры располагалась ставка монгольского хана, окруженная валом (110×100 м) с воротами и рвом. Внутри находился дворец (15×30 м), возведенный на искусственной платформе с пандусом. Дворец имел деревянные стены и четырехскатную крышу, крытую черепицей, отапливался при помощи канов. Пол выложен сырцовым кирпичом. В результате раскопок под руководством С.В. Киселева в 1957–1959 гг. исследованы дворец, жилища с канами, ворота, найдено много строительных материалов (черепица, кирпичи), предметы труда и быта, вооружение, украшения (Киселев 1965: 23–58). С.В. Киселев датировал памятник XIII в. и предположил, что дворец погиб в результате пожара.

Начиная с 1997 г., в течение ряда лет памятник изучался А.Р. Артемьевым (2005). Им были раскопаны две усадьбы. В первой, в восточной части города, находились два жилища с канами (одно с кирпичным полом). Во второй, на западном краю памятника, было найдено здание с 12 базами от колонн и каном. Среди находок предметы быта, вооружение, украшения, бронзовый 12-летний календарь, железная вилка, скорее всего, попавшая из Европы. А.Р. Артемьев также получил радио-

углеродные даты по западной усадьбе (1330–1420 гг.), которые расширили наше представление о времени существования памятника.

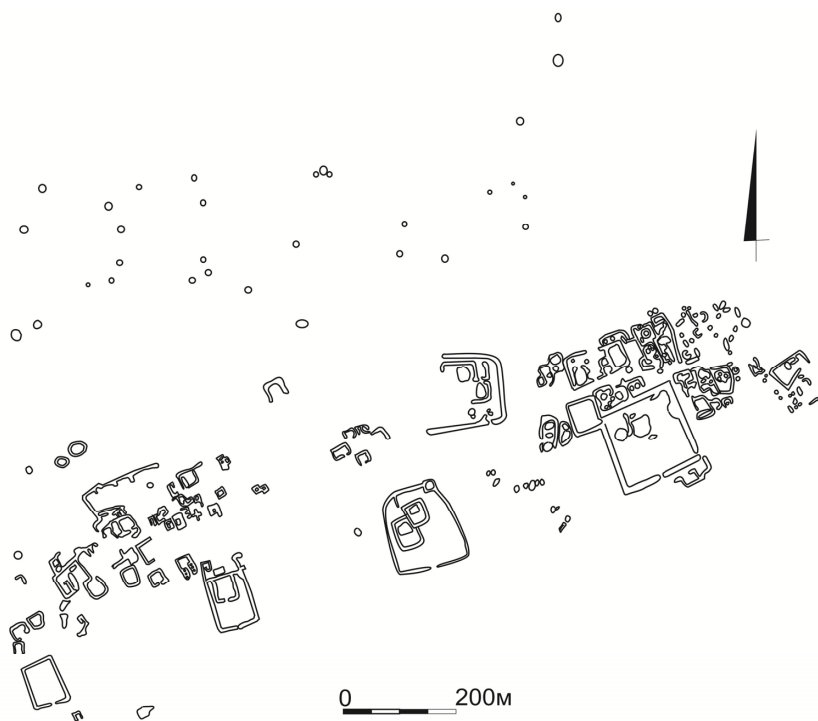

Рис. 1. Хирхинское городище

Наши исследования на памятнике в 2013–2014 гг. проводились на другой усадьбе, расположенной также в западной части города. В результате работ были вскрыты остатки здания колоннадного типа на насыпной платформе. Основой для поддержания крыши являлись каменные базы с деревянными колонами, изготовленными из стволов лиственницы. Крыша, очевидно, была крыта соломой. Черепицы найдено не было. Внутри обнаружены печь и остатки канов сложной конструкции. Печь сложена из камня, обмазана глиной на деревянном каркасе, верх покрыт сырцовыми кирпичами. От печи отходили три дымоходных канала.

В процессе раскопок было найдено много костей домашних и диких животных, кости рыбы, гвозди, бусины, фрагменты фарфоровой и глазурованной керамики, в том числе больших сосудов – хумов. Находки фарфора с синей кобальтовой росписью подтверждают, что памятник существовал в XIV в. В нижних пластах, практически на уровне материка, была найдена орнаментированная киданьская сероглиняная кера-

мика, относящаяся к X–XI вв., что свидетельствует от том, что на эту территорию заходили в начале II тыс. н.э. кидани.

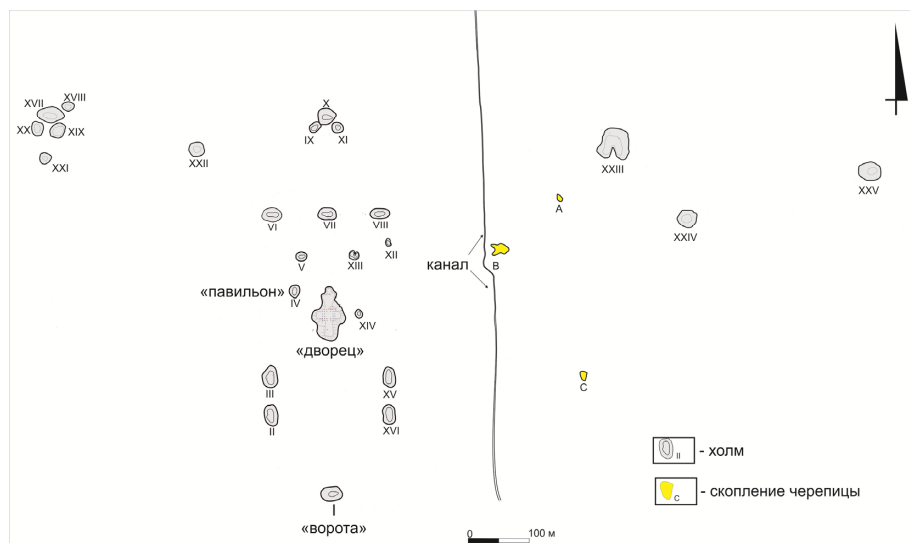

Рис. 2. Кондуйский городок

Считается, что Хирхиринское городище было ставкой Есунке (Исунке, Есунгу) – сына родного брата Чигисхана Хасара (Киселев 1965: 56–57). Основанием для этого является древнейшая надпись на старомонгольском языке (1224–1225 гг.) на найденной неподалеку знаменитой каменной стеле («Чингисов камень»), которая сейчас хранится в Эрмитаже. До сих пор исследователи не достигли единства по поводу точного перевода данного текста, однако во всех вариантах присутствуют имена Чингисхана и Есунке, который прославился стрельбой из лука на дальность полета (Банзаров 1851; Клюкин 1927; Murayama 1950; Srba 2012). Город имел, по всей видимости, широкий круг разнообразных функций – являлся административным центром, здесь проживали ремесленники и земледельцы.

Усадьба Алестуй

Неподалеку от Хирхиринского городища, в 9 км к северо-востоку, находится отдельно стоящая дворцовая усадьба Алестуй. Она представляет собой насыпную платформу размером примерно 17×28–32 м, вытянутую по линии север – юг. С южной стороны склон имеется пологий спуск – пандус. Вокруг платформы расположен невысокий вал (0,3 м), близкой к квадрату формы размером примерно 71×71 м. К северному валу пристроен еще один обвалованный участок подпрямо-

угольной формы размером примерно 64×33 м. В процессе раскопок в 2009–2011 гг. нами были изучены северная и западная часть усадьбы, а также прилегающая к ней северная часть двора (Крадин и др. 2012). Тщательное обследование с помощью дрона в мае 2018 г. позволило зафиксировать на распаханной поверхности жилища и улицы, расположенные к северу от усадьбы.

Платформа дворцового здания была сложена из плотной глины серого цвета. В процессе раскопок были обнаружены следы нескольких дымоходных каналов. Трехканальный находился в северной части дома. Остальные несколько канов были исследованы во время раскопок западной части жилища. Они имели предположительно по 4–5 дымоходных каналов. Поскольку каны в Забайкалье сильно отличаются от классических бохайско-журчжэньских канов, можно предположить, что это местное развитие дальневосточной традиции сооружения отопительной системы.

В разных частях раскопа в различных пластах зафиксированы остатки кирпичных стен, 16 целых кирпичей и около 3 тыс. их фрагментов разной величины, черепица (около 24 тыс. фрагментов), каменные базы от столбовых конструкций, обломки различных железных и бронзовых изделий, железные гвозди разных размеров (163 шт.), железные наконечники стрел, два железных ножа, фрагменты железной пилы, обломки лемеха, обломки тигля, железный замок монгольского типа, втулки ступицы колеса, венчик и куски стенки железных котлов, альчики, игральные фишки. Имеется одна сунская монета – *Чжи дао юань бао* (XI в.). Найдены фрагмент фарфорового изделия, фрагмент поливного сосуда и фрагмент глазурированной бутылки.

Размеры здания, наличие черепичной крыши, обваловка всей территории памятника позволяют предположить, что усадьба была сезонной резиденцией одного из представителей местной монгольской элиты. Здесь также располагалось население, обеспечивающее его продукцией сельского хозяйства и ремесла. Обследование территории, сделанное весной этого года с помощью дрона, позволило выявить наличие улицы с жилищами к северу от усадьбы, которые не фиксировались при визуальном обследовании ранее.

Кондуйский городок

Другой известный памятник монгольского времени на территории Забайкалья – так называемый Кондуйский городок. Фактически это не город и не поселение, а дворцовый комплекс. Он находится в 62 км к западу от Хирхининского городища. Дворец находится в Борзинском районе, в широкой пойме, примерно в 6–7 км к югу от села Кондуй. Общая площадь территории дворцового комплекса составила около

120 га. Протяженность разность объектов, относящихся к памятнику, в меридиональном направлении около 900 м, в широтном направлении – примерно 1 400 м.

На этом пространстве находятся остатки собственно дворцового комплекса и синхронной ему периферии монгольского времени. Комплекс состоит из главного дворцового здания, расположенного в центре, окружавших его конструкций (ворота, павильоны и др.), а также находящихся поблизости других построек (жилые здания, вспомогательные помещения, печи для обжига строительных материалов и т.д.). Кроме того, неизвестно, сколько находилось на этой территории юрт различных категорий населения, а также разрушенных современной вспашкой жилищ обслуживающего персонала, располагавшихся к северу от памятника (рис. 2).

История исследования Кондуйского дворца насчитывает более 200 лет. Впервые городок упомянут в 1818 г. в «Сибирском вестнике» Гр. Спасским. Однако еще в 1798 г. П.К. Фроловым был выполнен первый план древних строений Кондуя. Огромную роль в изучении городка сыграли русские горные инженеры XVIII–XIX вв. П.К. Фролов, А. Таскин и А. Павлуцкий, а также создатель краеведческих музеев в Чите и Нерчинске А.К. Кузнецов (Павлуцкий 1867: 489–491; Киселев 1965: 325–328).

В начале 60-х гг. XIX в. небольшие раскопки на памятнике производил А. Павлуцкий, после него в 1889 г. А.К. Кузнецов (Кузнецов 1925). Последний дал очень подробное описание памятника, составил план, собрал подъемный материал, траншеями исследовал дворец и южные ворота. Наиболее масштабные исследования связаны с именем С.В. Киселева. В 1957–1958 гг. им проводились исследования на памятнике на центральном здании (дворце), южных воротах и на одном из павильонов. Общая площадь раскопов – 2,5 тыс. м² (Киселев 1965: 324–369).

Кондуйский дворец представлял собой здание крестообразной формы. Дворец располагался на двухметровой платформе, имевшей два уровня террас. Террасы украшали деревянные, покрытые красным лаком балюстрады. Деревянные столбики балюстрады укреплялись в опорных гранитных базах. Конструкцию балюстрады нижней террасы украшали вмонтированные в нее с интервалом 2 м гранитные изваяния драконов (31 экз.). Углы террасы украшали изваяния другого типа – в виде передней части драконо-черепаховидного чудовища, покрытого пластинками панциря. Платформа была выстлана кирпичным полом. Пол был выложен квадратными плитами размером 30×30 см. К платформе вели пять кирпичных пандусов – по два с востока и запада и главный вход с юга. С северной стороны пандуса не имелось.

Из бутового камня и кирпича была построена стена высотой около 1,5 м. Верхнюю ее часть образовывали деревянные стены. Внутри зда-

ния были расположены 37 каменных баз, которые являлись фундаментами деревянных колон, обернутых материей и покрытых красным лаком. Результаты раскопок показывают, что здание состояло из нескольких частей – авансала, проходных коридоров, зала для приемов, жилых покоев или вспомогательных помещений. Стены дворца были украшены изображениями животных и фантастических существ, а также фресками. Крыша была покрыта черепицей. Коньки и гребни покрывала черепица с желтой, зеленой и красной поливой. Коньки были украшены головами драконов с крыльями. По углам кровлю украшали человеческие фигуры в буддийском одеянии, а также фениксы и химеры.

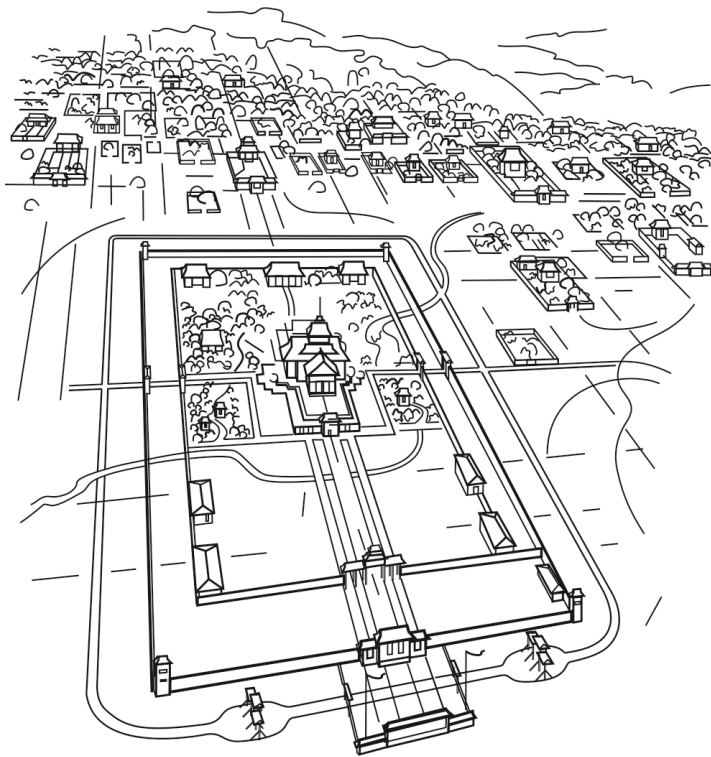

Рис. 3. Реконструкция Кондуйского дворца (по Л.К. Минерту)

К северу, западу и востоку от главного дворца находились другие здания (рис. 3). Это был единый комплекс, который был, возможно, огорожен в монгольское время забором. На юге были расположены главные ворота. Никаких других сооружений к югу от дворца не строилось. К северу, западу и востоку от дворцового комплекса располагались другие здания, возможно, жилища и усадьбы лиц высокого статуса. Наверное, за ними могли быть наземные жилища или переносные юрты тех

групп населения, которые обеспечивали жизнедеятельность владельцев дворца. Однако в настоящее время это невозможно проверить из-за интенсивной распахки данной территории в советское время.

Дворцовый комплекс был построен в синкретичной монгольско-китайской традиции. При первом рассмотрении такие элементы, как симметричное, строгое размещение объектов по оси север–юг, расположение в центре ансамбля дворца, свидетельствуют о китайской архитектурной традиции. Однако строгое соблюдение принципа расположения всех вспомогательных построек к северу от главного места и открытый вид на юг (монг. *хурээ*) свидетельствуют о степных традициях организации пространства (Лбова, Васильева 1992: 145–146). В начале XIX в. строительные материалы городка – кирпичи, гранитные основания драконов и базы были использованы русскими казаками и крестьянами под фундаменты домов села Кондуй, а также строительства в 1806 г. церкви Рождества Пресвятой Богородицы и Св. Мучеников Кирика и Улиты (Крадин, Крадин 2016). Кроме этого, материалы вывозились в агинские степи для возведения Цугольского дацана в 1801 г. (Кузнецов 1925: 22).

Результаты новых раскопок

В 2015–2016 гг. нами проводились исследования северо-западного павильона вышеназванного памятника (см. рис. 2, номер VI). Был раскопан дворцовый павильон размером примерно 23×8 м, вытянутый длинной стороной по линии запад–восток. С юга к зданию примыкал хорошо сохранившийся кирпичный пандус с входом. Внутри длинной стены и на углах постройки располагались каменные базы подквадратной формы. Пол был выложен кирпичом. Крыша здания была черепичной. Здесь найдено некоторое количество фрагментов черепицы, покрытой зеленой и желтой глазурью, один фрагмент концевого диска. Кроме этого, коньки кровли украшали скульптурные изображения драконоподобных существ. Строительные материалы – кирпичи, черепица, каменные базы – аналогичны найденным на центральном здании, однако здание не было столь величественным, как дворец. Поскольку следов отопительной системы в здании обнаружено не было, можно предположить, что постройка являлась, например, летним павильоном или складом. Из артефактов найдены гвозди, каменное точило, игральные фишки, глазурованная и фарфоровая посуда и др., а также кости домашних животных.

По периметру здания располагалась внешняя кирпичная стенка, которая, вероятно, предотвращала расползание насыпной платформы. Высота стенки не менее 23–25 см в 4–5 кирпичей. Расстояние между этой стенкой и стеной здания примерно 60 см. Пространство между

ними забутовано камнями, обломками кирпичей и земель. Далее находилась стена здания. Можно предположить, что основные стены были сделаны из дерева, а основания – из кирпичей и камней. Основания стен здания были выполнены в два ряда кирпичей и забутованного земель, обломками кирпичей и камнями пространства между ними (аналогичная технология применялась в столице юаньской империи Шанду (Вэй Цзянь 2015: 407)).

Внутри основания стены и на углах постройки располагались каменные базы колонн квадратной формы неодинаковых размеров. Самая маленькая база 46×46 см толщиной около 10–12 см, самая большая – 56,5×65 см. Две базы имели квадратные отверстия в центре размером 9,5×9,5 см. Базы располагались на стандартном расстоянии друг от друга, в среднем – 3–3,5 м. В восточной части постройки расстояние между каменными базами составляло 4,5 м. Во время разборки внутренней части постройки на уровне пола найдено большое количество дерева, вероятно, фрагментов от деревянных колонн. Согласно предварительному анализу, колонны делались из сосны. Пол в здании был выложен кирпичом квадратной и прямоугольной формы. Использовались два различных варианта выкладки пола. Внутри здания каменные базы обнаружены не были. Однако в некоторых местах кирпичей не было. Возможно, кирпичи отсюда были выбраны (вместе с базами) в период разграбления памятника для использования при строительстве Кондуйской церкви и Цугольского дацана.

Вход в здание располагался с южной стороны. К нему вел пандус, который в плане сверху выглядел как равнобедренная трапеция. Его размеры следующие: широкое основание трапеции, примыкающее к зданию, – 3,70 м, узкое основание трапеции (вход на пандус) – 1,95 м, боковые стороны трапеции (боковые грани по уровню погребенной дневной поверхности) – 2,54 м, боковые грани пандуса – 2,27 м. Боковые грани и грани оснований были оформлены стоящими на ребре кирпичами в один или два ряда. Угол подъема пандуса 13,5°. Высота пандуса от уровня древней поверхности – 0,55 м. Поверхность пандуса, как и пол в здании, была выложена кирпичом в 12 рядов. Состояние кирпичей пандуса, по которым ходили, хуже, чем сохранность кирпичей облицовки боковых граней. Подобной нагрузке подвергались пандусы дворцового здания, но интенсивность их использования намного выше (Киселев 1965: 338, рис. 179).

Анализ исследованных материалов

Крыша павильона в основном была покрыта простой сероглиняной черепицей. Любопытно, что кровля вдоль северной стены, над пандусом, имела украшение в виде черепицы с отливами. Декор на поверхно-

сти крыши двух типов. Кроме черепицы, конек крыши постройки украшали керамические кровельные скульптуры драконообразных существ. Находки очень фрагментарны, они покрыты глазурями зеленого, желтого и белого цвета. Надо напомнить, что помимо уничтожения памятника строительными работами в начале XIX в., на протяжении многих лет приезжающие сюда туристы и местные жители вынесли огромное количество подъемного материала и, в первую очередь, глазури и фрагментов украшений. Нами было найдено несколько фрагментов черепицы, покрытой зеленой и желтой глазурью, три незначительных по своим размерам фрагмента концевых дисков, а также узких черепиц, образовавших конек и скаты кровли. Глазури, покрывавшие кровельные изделия, сохранились неплохо, предположительно, они свинцовые, полупрозрачные, имеют блеск и прочно держатся на черепке.

Кирпичи и половые плиты имели стандартные размеры и форму, причем они соответствовали размерам целой и археологически целой черепицы: длина кирпича 31–34 см, ширина 14,8–17 см, толщина 4,8–5,5 см. Плиты квадратной формы, размером 30–32 см, толщиной 5–5,5 см. Некоторые из кирпичей имели потеки зеленой глазури на поверхности.

Черепица закреплялась в кровле с помощью очень толстого слоя очень густого известкового раствора, который до сих пор хорошо сохранился на некоторых изделиях и имеет такую плотную консистенцию, что его невозможно снять. Иногда в раствор подмешивалось некоторое количество травы. Строительные материалы (кирпичи, черепица, каменные базы) в целом аналогичны найденным на центральном дворце, с учетом того, что дворец был масштабнее и лучше украшен. Находки, обнаруженные внутри здания, очень немногочисленны. Это несколько железных гвоздей, каменное точило, две игральные фишки из черепицы и галечника, фрагменты бронзовой обкладки и фольги (?), а также небольшие фрагменты фарфоровых и фаянсовых сосудов, кости животных. Интересно, что кости молодого ягненка были найдены в основании стены. Возможно, это был жертвенный обряд при закладке здания. Кроме этого, в переотложенном состоянии найдена серия каменных изделий, относящихся к каменному веку.

Таким образом, как писали дореволюционные исследователи (Кузнецов 1925: 36), камень для изготовления гранитных баз добывали неподалеку. В 2012 г. нами было обследовано предполагаемое место каменоломни в 16 км к северо-востоку в пади Могойтуй. Это крутой каньон правого берега р. Могойтуй, где расположено много выходов гранита. Также была обследована каменоломня в районе горы Эке-Булаг в пади Барун-Нарын, которая находится на расстоянии 31 км к юго-западу от Кондуйского городка. Здесь также много выходов гранита. Удалось зафиксировать технологию изготовления плит. В подходящие куски гранита на расстоянии 6–8 см друг от друга бились углубле-

ния прямоугольной формы длиной 4–5 см и шириной 1–2 см. В результате получалась линия предполагаемого разлома, похожая на пунктир. Далее туда вбивались клинья. Похожая технология была зафиксирована в каменоломнях около Каракорума – столицы монгольской империи (Bemmann et al. 2011: 127).

Кроме этого, еще в 2012 г. нами были обнаружены гончарные печи, относящиеся непосредственно к Кондуйскому городку. Они расположены в 4 км на северо-восток от Центрального здания Кондуйского городка. Площадь памятника 1,2 га. Здесь зафиксированы остатки в общей сложности 11 всхолмлений разной формы. Памятник, к сожалению, отчасти разрушен проселочными дорогами, ирригационными сооружениями и проложенным кабелем. На поверхности одной из возвышенностей и вокруг него было разбросано большое количество подъемного материала в виде фрагментов кирпичей, черепицы, половых и облицовочных плит, кровельной скульптуры, часто бракованных. Большинство изделий имеют на своей поверхности следы глазури зеленого и желтого цвета. Находки аналогичных изделий найдены и в других частях памятника. Они идентичны находкам из Кондуйского городка. Вероятно, здесь производились необходимые строительные материалы для возведения дворцового комплекса.

В северо-западной части памятника были зачищены остатки стены в виде обнажившихся двух рядов кирпича длиной около 1,6 м. Кроме этого, на памятнике выявлены остатки стены в виде двух рядов лежащих плашмя кирпичей. Также зафиксирован участок, где разбросано большое количество керамического шлака. Выходы глины находятся здесь же; в качестве источника воды использовался некогда протекавший на этом месте ручей. В юго-западной части производственного комплекса был заложен раскоп площадью 36 м². Здесь были найдены остатки части основания обжигательного горна, заполненного сильно обгоревшими деревянными плахами. В раскопе собраны много шлака, фрагменты свода горна, бракованных изделий в виде деформированных остеклованных, ошлакованных изделий керамических строительных материалов со следами сильного пережога.

На вновь открытом памятнике был собран богатый подъемный материал, представленный в основном обломками глазурованных керамических строительных материалов – кирпича и кровельной черепицы, фрагментов облицовочных плит и кровельной скульптуры. В юго-западной части памятника имеется участок, на котором собраны остатки шлаков. Одна из предполагаемых печей разрушена, вокруг лежало большое количество кирпича, покрытого зеленой глазурью. Еще одна имела вид подковы.

Из материалов наших раскопок павильона в 2015 г. были получены калиброванные радиоуглеродные даты, которые позволили уточнить

хронологию памятника (рис. 3). Согласно этим данным, памятник датируется по первой сигме 1191–1253 гг. (1σ 68,2%), по второй сигме – 1166–1260 гг. (2σ 95,4%). Калиброванная радиоуглеродная дата показывает, что дворец существовал в первой половине XIII в.

Обсуждение результатов

Таким образом, время строительства дворца приходится на период расцвета империи Чингисхана и время проживания в монгольской исторической прародине братьев Чингисхана – Хасара и Темуге-отчигина и их наследников. Это подтверждается письменными источниками, где сказано: «Юрт и стойбище Есунгу и рода Джочи-Касара находится внутри Монголии на северо-востоке, в пределах Эргунэи Кулэ-наура и Килара, поблизости от места юрта Джибу, сына Отчи-нойона, и его внука Тукучара» (Рашид ад-Дин 1952: 52). Здесь место расселения четко локализуется с Аргунью, оз. Далай-нор и Хайларом. При этом одна весьма пикантная деталь, возможно, объясняет наличие большого числа памятников монументальной архитектуры на данной территории. Тот же источник сообщает, что «Отчи-нойон отличался (своей) большой любовью к строительству и везде, куда не приходил, он строил дворцы (сарай) и загородные дворцы (кушк) и (разбивал) сады» (55).

Наличие драконов указывает на императорский статус построек. Это подтверждается включенностью братьев Чингисхана и их потомков в высшую элиту империи. «Чингиз-хан соизволил его пожаловать и (выделил его) из всех братьев и сыновей братьев, дав ему и его детям, в соответствии с установленным обычаем правом, вытекающим из положения брата и царевича, степень (высокого) сана и звания. И до настоящего времени обычай таков, что уруг Чингиз-хана из всех (своих) дядей и двоюродных братьев сажает в ряду царевичей только уруг Джочи-Касара; все же другие сидят в ряду эмиров» (Рашид ад Дин 1952: 51). Нечто схоже написано в источниках о Темуге-отчигине. «Чингиз-хан любил его больше других братьев и сажал выше всех старших братьев. Его прямые потомки (фарзанд) до сих пор сидят выше прямых потомков двух других братьев» (55).

Потомки Хасара также имели высокий статус. Часть из них участвовала в военном походе на Иран и осела там (Рашид ад-Дин 1952: 53). Хасариды имели высокие должности в государстве ильханов и даже печатали свои монеты (Рева 2015). Один из них, Туга-Тимур, был даже правителем государства в 1338–1352 гг. (Jackson 2017: 3–5, 21, 17–39, 35–37; Султанов 2007: 106). На востоке империи из сыновей Хасара самым известным был Есунке (Исунке, Есунгу). «Есунгу был высокого роста, румян и имел продолговатое лицо и длинную бороду... Он входил в важные дела и в обсуждение государственных дел, и его весьма

почитали и считались с ним. Согласно обычаю, он ведал войсками и племенем отца и своих старших и младших родичей. В то время, когда между Кубилай-кааном и Ариг-Бука случилась распря, Есунгу был у Кубилай-каана и принадлежал к числу его войска, как это будет обстоятельно изложено в летописи о Кубилай-каане. Говорят, что когда Кубилай-каан в семидесятипятилетнем возрасте прибыл на курилтай, [у него] еще ни один волос не поседел» (Рашид ад-Дин 1952: 52).

В том же источнике сообщается, что «Юрт и стойбище Есунгу и рода Джочи-Касара находится внутри Монголии на северо-востоке, в пределах Эргунэ и Кулэ-наура и Килара, поблизости от места юрта Джибу, сына Отчи-нойона и его внука Тукучара» (Рашид ад-Дин 1952: 52). Здесь упомянуты следующие географические названия – реки Аргунь и Хайлар, озеро Кулун-нур (Далай-нор), что позволяет локализовать территории расселения потомков Хасара и Темуге в Северо-Восточной Монголии, Забайкалье и на западе Внутренней Монголии.

Высокое положение хасаридов и темугеидов продлилось до того момента, когда они вступили в сговор с Хайду против Хубилая. «Когда сговор (их) обнаружился, каан повел войско и схватил их. Некоторых он казнил, а их войска разделил (между другими). В настоящее время из их улуса никого не осталось» (Рашид ад-Дин 1952: 56). Напрашивается вывод, не тогда ли были сожжены и подвергнуты забвению забайкальские дворцы? Однако радиоуглеродные даты и юаньский фарфор дают возможность полагать, что исследованные памятники существовали и в XIV в. Подробную хронологию монгольских памятников Забайкалья еще предстоит разработать.

Заключение

В Монгольской империи были разные формы поселений – имперские столицы, города с мощной фортификацией, неукрепленные города, небольшие городища, дворцы, отдельные усадьбы, сельские поселения. Забайкалье относилось к периферийным территориям Монгольской империи. В данной статье были рассмотрены три разных типа археологических памятников, существовавших на территории Восточного Забайкалья: неукрепленный город, дворцовый комплекс, отдельная усадьба. Они имели различные функции. Хирхиринское городище было, по всей видимости, административным центром, местом сосредоточения ремесленников и земледельцев. Кондуйский дворец и усадьба Алестуй являлись пунктами сезонного проживания представителей разных элитных групп, а также местом сосредоточения простых категорий населения, обеспечивавших верхи общества продуктами (в том числе сельскохозяйственными) и изделиями ремесла. При этом нужно напомнить, что монументальная архитектура воплощает в себе в мате-

риальной форме политическое господство, служит точками притяжения коммуникаций и обеспечивает визуальный контроль над пространством (Smith 2003). Богато украшенные дворцы и другие здания символизировали идеологическое доминирование и формировали мировоззренческие установки у различных социальных групп населения. Ключевой вопрос, который интересует исследователей сейчас более всего, – как обеспечивались функционирование и жизнедеятельность данных форм поселений. Поэтому в качестве первоочередных задач ближайшего будущего видится изучение отдельных усадебных и домостроений, находившихся за пределами дворцовых комплексов.

Литература

- Артемов А.Р. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья // Вестник ДВО РАН. 2005. № 2. С. 3–18.
- Банзаров Д. Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-Хана // Записки императорского археологического общества. СПб., 1851. Т. III. С. 268–292.
- Вэй Цзянь. Археологическое исследование Верхней столицы (Шанду) династии Юань // Средневековые древности Приморья. Владивосток, 2015. Вып. 3. С. 396–421.
- Киселев С.В. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье // Советская археология. 1961. № 4. С. 103–127.
- Киселев С.В. (отв. ред.). Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965.
- Клюкин И.А. Древнейшая монгольская надпись на Хорхираском («Чингисхановом») камне: К разбору древнейших памятников // Труды Государственного Дальневосточного университета. 1927. Сер. VI. № 5. С. 168–212.
- Ковычев Е.В. К истории ранних монголов в Забайкалье // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2012. Вып. 9. С. 129–146.
- Крадин Н.Н. Актуальные проблемы истории Монгольской империи // Труды отделения историко-филологических наук РАН. 2015. М., 2016. С. 289–321.
- Крадин Н.Н., Крадин Н.П. Кондуйские древности // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 133–138.
- Крадин Н.Н., Саранцева С.Е., Харинский А.В., Ковычев Е.В. Исследование средневековой монгольской усадьбы Алестуй в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы III Междунар. науч. конф. Улан-Батор, 2012. Т. 2. С. 381–387.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006.
- Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток: Книжное дело, 1925.
- Лбова Л.В., Васильева И.Г. К вопросу о развитии принципов планировочной структуры древнемонгольских городов // Археологические памятники эпохи Средневековья в Бурятии и Монголии / отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 145–160.
- Павлуцкий А. Краткое описание так называемых чудских древностей, имеющих вблизи кличчинского серебро-свинцового рудника, с указанием нахождения их и в других местах нерчинского горного округа // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества / ред Н.И. Калинин. Иркутск: Типография Окружного штаба, 1867. Кн. IX, X. С. 475–507.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I, кн. 2.

- Рева Р.Ю. Джочикасариды. Монетный чекан потомков брата Чингизхана // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015. М.: ГИМ, 2015. С. 85–93.
- Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2007.
- Харинский А.В., Номоконова Т.Ю., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Останки животных в монгольских захоронениях XIII–XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье) // Российская археология. 2014. № 2. С. 62–75.
- Bemmann J., Höllmann T., Ahrens B., Kaiser T., Müller S. A Stone Quarry in the Hinterland of Karakorum, Mongolia, with Evidence of Chinese Stonemasons // *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*. 2011. Vol. 6. P. 101–136, 227–231.
- Murayama S. Über die Inschrift auf dem "Stein des Čingis" // *Oriens*. 1950. Vol. 3, № 1. P. 108–112.
- Jackson P. *The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. New Haven; London: Yale University Press, 2017.
- Smith A.T. *The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities*. Berkeley etc.: University of California Press, 2003.
- Srba O. Nápis na tzv. Čingisově kameni (Činggis-ün čilayun-u bičig) // *Linguistica Brunensia*. 2012. Vol. 60, № 1–2. P. 171–182.

Статья поступила в редакцию журнала 1 мая 2018 г.

Kradin Nikolay N., Baksheeva Svetlana E., Prokopets Stanislav D.

CITIES AND PALACES OF THE MONGOL EMPIRE IN EASTERN TRANS-BAIKAL

DOI: 10.17223/2312461X/20/4

Abstract. There are two unique archeological sites located in Eastern Transbaikali, namely, the city of Khirkhira and the Kondui palace, both dating back to the times of the Mongol Empire. They have been known since the 18th century and been excavated since the mid-20th century by S.V. Kiselev and other scholars. The results of recent investigations here open up some new prospects for research. The Mongol Empire's cities appeared in the 13th century and in all probability continued to exist in the 14th century. The city of Khirkhira is traditionally seen as the residence of Yesünggü, the son of Qasar. This view is supported by the fact that Yesünggü's name was found on the so-called 'Chinggis stone'. Written sources give us an opportunity to clarify some parts of his biography and consider Eastern Transbaikali and neighbouring areas of Inner Mongolia (Hailar) as territories controlled by Chinggis Khan's brothers Qasar and Tāmügä (Otchi Noyan) and their descendants.

Keywords: Mongol Empire, Chinggis Khan, Qasar, Yesünggü, Khirkhira, Kondui, Chinggis stone

* The research is done with financial support from Russian Science Foundation (project No. 14-18-01165, titled "Cities of Medieval Empires in the Far East").

References

- Artemjev A.R. Novye issledovaniia drevnemongol'skikh gorodov Vostochnogo Zabaikal'ia [New studies of old Mongolian cities of the East Baikal region], *Vestnik DVO RAN*, 2005, no. 2, pp. 3–18.
- Banzarov D. Ob"iasnenie mongol'skoi nadpisi na pamiatnike kniazia Isunke, plemiannika Chingis-Khana [Explanation of the Mongolian inscription on the monument to Yesünggü Prince, the nephew of Chinggis Khan], *Zapiski imperatorskogo arkhеologicheskogo ob-*

- shchestva* [Writings of the Imperial Archaeological Society]. Vol. III. St. Petersburg, 1851, pp. 268-292.
- Wei Jian. Arkheologicheskoe issledovanie Verkhnei stolitsy (Shandu) dinastii Iuan' [An archaeological study of the Upper capital (Shangdu) of Yuan Dynasty], *Srednevekovye drevnosti Primoria* [Mediaeval sites of Primorye]. Vladivostok, 2015, Vol. 3, pp. 396-421.
- Kiselev S.V. Gorod mongolskogo Isunke na r. Hirhira v Zabaikalie [The city of the Mongolian Yesünggü on the Khirkhira River in Transbaikalia], *Sovetskaya arkheologiya*, 1961, no. 4, pp. 103-127.
- Kiselev S.V. (ed.) *Drevnemongolskie goroda* [Ancient Mongolian cities]. Moscow: Nauka, 1965.
- Kljukin I. Drevneishaia mongol'skaia nadpis' na Khorkhiraskom («Chingiskhanovom») kamne: K razboru drevneishikh pamiatnikov [The oldest Mongolian inscription on the Khirkhira (Chinggis Khan) stone], *Trudy Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta*, 1927, Vol. VI, no. 5, pp. 168-212.
- Kovychev E.V. K istorii rannikh mongolov v Zabaikal'e [On the history of the early Mongols in Transbaikalia], *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2010, Vol. 9, pp. 129-146.
- Kradin N.N. Aktual'nye problemy istorii Mongol'skoi imperii [Topical issues in the Mongolian Empire history], *Trudy otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN*, 2015 [Works of the Department of History and Philology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, 2016, pp. 289-321.
- Kradin N.P., Kradin N.N. Konduiskie drevnosti [Ancient sites of Kondui], *Voprosy istorii*, 2016, no. 12, pp. 133-138.
- Kradin N.N., Sarantseva S.E., Kharinskii A.V., Kovychev E.V. Issledovanie srednevekovoy mongolskoy usadby Alestui v Zabaikal'e [A study of mediaeval Mongolian estate called Alestui in Transbaikalia], *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri. Mat. III mezhd. nauchn. konf. T. 2.* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Vol. 2]. Ulaanbaatar: State University of Mongolia, 2012, pp. 381-387.
- Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperiia Chingis-khana* [The Empire of Chinggis Khan]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006.
- Kuznetsov A.K. *Razvaliny Konduiskogo gorodka i ego okrestnosti* [The ruins of the city of Kondui]. Vladivostok: Kniznoe delo, 1925.
- Lbova L.V., Vasil'eva I.G. K voprosu o razvitii printsipov planirovochnoi struktury drevnemongol'skikh gorodov [On the development of ancient Mongolian urban planning principles], *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi srednevekov'ia v Buriatii i Mongolii* [Medieval archaeological sites in Buryatia and Mongolia]. Ed. by P.B. Kononov. Novosibirsk: Nauka, 1992, pp. 145-160.
- Pavlutsky A. Kratkoe opisanie tak nazyvaemykh chudskikh drevnostei, imeiushchikhsia vblizi klichkinskogoserbro-svintsovogo rudnika, s ukazaniem nakhozhdeniia ikh i v drugikh mestakh nerchinskogo gornogo okruga [A brief description of the so-called Chudskie antiquities from the area of Klichkin silver-lead mine in the Nerchinsk mountainous region], *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. IX-X. Irkutsk: Tipografiia Okruzhnogo shtaba, 1867, pp. 475-507.
- Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey* [A collection of chronicles]. Vol. I, part 2. Moscow and Leningrad, 1952.
- Reva R.Yu. Dzhochikasaridy. Monetnyi chekan potomkov brata Chingizkhana [The Jochikasarids. The coinage of descendants of Chinggis Khan brother], *Numizmaticheskie chteniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* 2015 [Numismatic Readings at the State Historical Museum 2015]. Moscow: GIM, 2015, pp. 85-93.
- Sultanov T.I. *Chingis-khan i Chigizidy: Sudba i vlast* [Chinggis Khan and Chingisids: fate and power]. Moscow: AST, 2007.
- Kharinsky A.V., Nomokonova T. Yu., Kovychev E.V., Kradin N.N. Ostaniki zhivotnykh v mongol'skikh zakhoroneniakh XIII-XIV vv. mogil'nika Okoshki I (Iugo-Vostochnoe Za-

- baikal'e) [The remains of animals in Mongolian burials of the 13th to the 14th centuries, the burial ground of Okoshki 1 (southeastern Transbaikalia)], *Rossiiskaya arkheologiya*, 2014, no. 2, pp. 62-75.
- Bemmann J., Höllmann T., Ahrens B., Kaiser T., Müller S. A Stone Quarry in the Hinterland of Karakorum, Mongolia, with Evidence of Chinese Stonemasons. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*, 2011, Vol. 6, pp. 101-136, 227-231.
- Jackson P. *The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. New Haven and London: Yale University Press, 2017.
- Murayama S. Über die Inschrift auf dem "Stein des Čingis". *Oriens*, 1950, Vol. 3, no. 1, pp. 108-112.
- Smith A.T. *The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities*. Berkeley etc.: University of California Press, 2003.
- Srba O. Nápis na tzv. Čingisově kameni (Činggis-ün čilayun-u bičig) [Inscription on the so-called Chingis Stone]. *Linguistica Brunensia*, 2012, Vol. 60, no. 1-2, pp. 171-182.